

Заключение

Темпы прироста населения России крайне невысоки, а наметившаяся в 2014 г. тенденция к их снижению свидетельствует о вполне вероятном возврате к нулевому приросту или убыли населения. Российскую ситуацию нельзя считать исключительной. Сходные тенденции динамики численности населения наблюдаются в странах Европейского союза (ЕС-28), где коэффициент общего прироста для всего союза ниже 0,2%. Совокупное население стран ОЭСР растет более высокими темпами, хотя доминирующей тенденцией на протяжении последних десятилетий и для этой группы стран также было снижение темпов прироста населения, которые за послевоенный период сократились вдвое и с середины 1990-х гг. варьируют вокруг 0,7%, чему в немалой степени способствует чуть более высокий темп роста населения в США. В то же время среди членов ОЭСР увеличивается число стран, в которых фиксируется убыль населения — в 2010–2014 гг. она наблюдалась уже в семи странах с различной численностью: Венгрии, Германии, Испании, Польше, Португалии, Эстонии и Японии.

Россия, отличавшаяся в 1950-е гг. более высокими темпами прироста населения, чем ОЭСР и ЕС-28, во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. заметно уступала не только ОЭСР, но и ЕС-28. В 1990-е гг. в России начался довольно продолжительный период убыли населения, которая пока не характерна ни для ОЭСР, ни для ЕС-28 в целом. Снижение темпов прироста населения России было более резким и подвержено более значительным колебаниям, обусловленным отчасти волнообразными деформациями возрастной структуры населения.

Значительные колебания общего прироста населения в развитых странах, как правило, обусловлены колебаниями миграционного прироста, который в условиях низкой рождаемости и приближения естественного прироста к нулевому уровню или формирования тенденции естественной убыли становится определяющим фактором изменения численности населения.

Население России в последние несколько лет увеличивается за счет как естественного, появившегося только в 2013 г., так и миг-

рационного прироста, но величина естественного прироста незначительна (не более 0,2 на 1000 населения), а основным фактором роста остается миграционный прирост, обеспечивающий около 90% общего прироста. В 1990-е гг. в условиях сложившейся долговременной тенденции естественной убыли населения миграция стала единственным источником роста численности российского населения, однако чаще всего недостаточным для того, чтобы компенсировать естественную убыль. Совокупная величина миграционного прироста с 1992 г. составила более 8 млн человек, что дало возможность компенсировать более 60% суммарной величины естественной убыли населения.

Данные о компонентах изменения численности населения ЕС-28 демонстрируют сходство России с европейскими странами. Естественный прирост населения ЕС-28, достаточно высокий в первой половине 1960-х гг., хотя и ниже, чем в России того времени, быстро снижался и в 1990-е гг. приблизился к нулевому уровню. По прогнозным расчетам уже в ближайшие годы в целом для населения ЕС-28 неизбежно будет характерна естественная убыль. В этих условиях вклад миграционного прироста для европейского населения становится все более весомым.

На фоне других развитых стран мира в выгодную сторону отличается демографическая динамика в США: естественный прирост существенно выше и снижается медленно, до сих пор превышая 4 на 1000 населения, а коэффициент миграционного прироста также поддерживается на достаточно высоком уровне — около 3 на 1000.

В эволюции возрастной структуры населения России наступил этап, на котором численность населения в до- и послерабочем возрастах растет, а численность населения рабочего возраста убывает, что ведет к значительному росту коэффициентов демографической нагрузки. Подобные демографические сдвиги характерны не только для России. Они происходят и в других странах и связаны с закономерной перестройкой возрастной структуры в процессе демографического перехода, хотя в каждой стране проявления этой универсальной тенденции имеют свою специфику. В частности, для России характерны резкие колебания показателя демографической нагрузки вследствие сильной деформированности российской возрастной пирамиды.

Во всех развитых странах длительное время отмечался рост численности населения в основных рабочих возрастах и соответственно их доли во всем населении — явление, известное как демографический дивиденд, или бонус. В эволюционном плане бонус был следствием того, что нагрузка детьми снижалась быстрее, чем росла нагрузка пожилыми, хотя на эволюционные изменения, свойственные демографическому переходу, могли накладываться пертурбационные колебания, вызванные разного рода социальными потрясениями, как это было в России. Тем не менее перед Россией, как и перед всеми странами, на какое-то время открылось «окно демографического благоприятствования», совокупная демографическая нагрузка на население в рабочих возрастах снижалась.

Достигнутая Россией в 2012 г. доля населения в возрасте 20–64 года (66,2%) была максимальной за всю ее историю и самой высокой (после Южной Кореи) в списке стран ОЭСР за весь 80-летний период 1970–2050 гг.

Однако по мере того как в ходе прогрессирующего старения населения число и доля пожилых людей увеличиваются, а прилив молодежи в состав рабочего населения сокращается, «окно демографического благоприятствования» начинает закрываться, а фаза бонуса неизбежно сменяется фазой «онуса», на которой доля населения рабочего возраста убывает, а демографическая нагрузка на него растет. В большинстве стран, входящих в ОЭСР, эта фаза уже наступила. По новейшему (2015 г.) прогнозу ООН в ближайшие десятилетия все страны ОЭСР, за исключением Мексики, Израиля и Турции, ждут существенное снижение доли населения рабочего возраста и рост демографической нагрузки на одного работающего.

Для России 1990-е и особенно 2000-е гг. характеризовались исключительно благоприятной динамикой численности населения в трудоспособном возрасте. Ничего подобного нельзя ожидать в прогнозном периоде, для которого будет характерно падение как числа, так и доли лиц в возрасте 20–64 года, причем это падение может оказаться очень значительным и затяжным. Россию ждут более сложные, чем страны ОЭСР, времена. К 2030 г. в России произойдет большее, чем в любой из стран ОЭСР, сокращение доли лиц 20–64 лет (–9 п. п.) — до уровня 1970 г. и самое резкое (на 16%) сокращение абсолютной численности населения в этом возрасте.

Как и все страны, пережившие демографический переход, Россия сталкивается с проблемами демографического старения. Правда, в сравнении с большинством таких стран она имеет довольно молодое население. При этом старение населения России протекает неравномерно. После паузы в 2006–2012 гг. доля пожилых будет непрерывно расти с некоторыми колебаниями, отражающими особенности ее возрастной пирамиды. За 2014–2030 гг. прирост показателя превысит прирост за 1970–2013 гг. Темпы старения будут ниже, чем в 1970-е гг., но значительно выше, чем в последние три десятилетия. Демографическое старение ускорится и в абсолютном большинстве стран ОЭСР, так что на их фоне Россия останется относительно молодой.

В целом возрастная композиция населения России с экономических позиций выгоднее, чем в большинстве стран ОЭСР, благодаря сочетанию относительно низкой доли пожилых и высокой доли населения рабочего возраста. В перспективе до 2050 г. это преимущество России должно сохраниться и, возможно, упрочиться. На этом основании мы при прочих равных условиях можем прогнозировать в России меньшую, чем в других развитых странах, нагрузку на социальную сферу, связанную со старением населения.

В последние десятилетия Россия, как и другие страны, пережила глубокую трансформацию форм семейно-брачных отношений, возрастной модели брачности и института брака в целом. Интенсивность заключения брака в России сейчас намного ниже, а возраст его заключения существенно выше, чем в конце советского периода (конец 1980-х — начало 1990-х гг.). Если в 1980-х гг. женщины, вступающие в первый брак в возрастах до 25 лет, обеспечивали более 80% величины коэффициента суммарной брачности для первых браков, то в 2014 г. — 57%, а у мужчин соответствующий показатель упал еще заметнее — с более 70 до 35%, т.е. в 2 раза.

В результате произошло заметное сближение российской модели брачности с моделью, характерной для большинства индустриально развитых стран, хотя сохранялись и большие различия.

Снижение брачности в России, как и в других странах, сопровождалось увеличением среднего возраста женихов и невест при вступлении в первый брак. Но у нас оно началось много позднее, чем в большинстве экономически развитых стран, и так как

у них оно еще продолжается, то сближения России по этому показателю с наиболее развитыми странами ОЭСР пока не наблюдается. Если в начале 1970-х гг. по всей Европе, включая и Россию, средний возраст заключения брака для женщины колебался в интервале от 22 до 24 лет, то к сегодняшнему дню в странах Севера, Запада и Юга Европы средний возраст невесты достиг 30 лет, в восточноевропейских странах — почти 27 лет (присутствие в этой группе Белоруссии и Украины занижает среднюю величину для группы). В России же он лишь едва преодолел планку в 25 лет. Не прослеживается попытка догнать и большинство других, неевропейских стран — членов ОЭСР. Видимо, только Турция и Израиль из списка стран ОЭСР сегодня немного отстают от России по возрасту заключения первого брака.

В последнее время неожиданно наметилась новая тенденция: интенсивность заключения первых браков, которая довольно давно снижалась в России, вновь стала расти. Судя по последним данным, текущая интенсивность заключения браков в России превышает показатели во всех прочих странах ОЭСР, включая Турцию, Израиль, Мексику и Чили. В этом можно было бы найти и позитивные стороны, если бы одновременно Россия не лидировала и по уровню разводимости. Ожидаемая доля браков, которые прекратятся вследствие разводов, из числа заключенных в 2014 г. для России приближается к 60% (591 развод на 1000 браков с учетом их продолжительности). Вероятно, на сегодняшний день это наиболее высокий показатель в мире.

В России средняя длительность брака, прекратившегося вследствие развода, — около 10 лет — одна из самых коротких в мире. Более низкая в России, чем в других странах, средняя длительность брака, закончившегося разводом, сочетается с более низкой, чем в большинстве стран ОЭСР, долей разведенных пар с детьми, причем с начала 2000-х гг. доля браков с общими детьми среди разведенных пар в России существенно снизилась — с 60 до 39,9% (2014 г.). Таким образом, бездетные пары стали составлять большинство разведенных супругов. Оценивая все эти показатели, трудно отделаться от мысли, что какая-то часть первых браков, по сути, играет роль «пробных партнерств», которые в других странах достаточно широко распространены, но не оформляются как официальные браки.

Несмотря на очень низкую по мировым меркам стабильность брака в России, более высокая по сравнению с другими странами ОЭСР интенсивность первых и повторных браков, в том числе в молодом возрасте, позволяет поддерживать относительно более благоприятную брачную структуру населения в репродуктивных возрастах. Доля женщин, состоящих в брачно-партнерских отношениях (зарегистрированных и незарегистрированных), — одна из наиболее высоких среди развитых стран, а доля проживающих в незарегистрированных отношениях с партнером — существенно ниже средней величины для стран ОЭСР. Если иметь в виду, что, как правило, партнеры, состоящие в зарегистрированных браках, более склонны иметь детей (общемировая практика), то нельзя не прийти к выводу, что сложившаяся к сегодняшнему дню ситуация в России с точки зрения потенциала для рождаемости на фоне стран ОЭСР выглядит благоприятнее со всех сторон: и число женщин, находящихся под риском наступления беременности, выше, и среди последних выше доля состоящих в более прочных — брачных союзах.

В 2014 г. продолжалась закономерная перестройка возрастной кривой рождаемости, в результате которой структура коэффициента суммарной рождаемости возвращалась примерно к той, которая существовала на рубеже 1950–1960-х гг. при более высоком уровне рождаемости.

Перестройка кривой рождаемости в России, по-видимому, началась еще на рубеже 1970–1980 гг., однако тогда она была временно остановлена не вполне продуманными мерами демографической политики, спровоцировавшими рождение детей у юных матерей, и возобновилась лишь в середине 1990-х. Вопреки тому, что принято думать на основании наблюдения за коэффициентом суммарной рождаемости, именно тогда начался рост рождаемости в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года, которые сейчас определяют повышение коэффициента суммарной рождаемости.

В 2014 г. этот коэффициент достиг значения 1,76, но само по себе это ни о чем не говорит. Разнонаправленные изменения возрастных показателей делают коэффициент суммарной рождаемости (т.е. сумму движущихся в разных направлениях возрастных значений) неадекватной мерой ее общей динамики, в этой ситуации нужно наблюдать непосредственно возрастные показатели.

Они как раз и указывают на то, что младшие материнские группы (до 25 лет) не демонстрируют никакого роста рождаемости, а практически весь прирост суммарной рождаемости обеспечивается тремя следующими пятилетними группами женщин (25–29, 30–34 и 35–39 лет).

В условиях, когда коэффициент суммарной рождаемости — характеристика «условного» поколения — утрачивает свое диагностическое значение, возрастает роль итоговых показателей для реальных поколений (когортных показателей), которые не зависят от сдвигов в календаре рождений. Правда, использование когортного подхода имеет существенные ограничения, связанные с тем, что окончательная величина итоговой рождаемости реальных поколений становится известна только тогда, когда возраст женщин приближается к 50 годам. Для более молодых когорт приходится пользоваться оценочными показателями, основанными на экстраполяции достигнутых к моменту наблюдения значений накопленной к определенному возрасту рождаемости. Сейчас, учитывая тот факт, что интенсивность деторождения после 35 и даже после 40 лет, как мы видели, растет, экстраполированные оценки для России, как и для всех развитых стран, приходится год за годом пересматривать в большую сторону.

Показатель итоговой рождаемости реальных поколений в России свидетельствует о том, что вопреки распространенным представлениям рождаемость у поколений, родившихся между концом 1950-х и началом 1970-х гг., в том числе и тех, чей период наибольшей прокреативной активности пришелся на считающиеся успешными 1980-е гг., снижалась. Повышаться же она стала у поколений, родившихся после 1972 г., которые достигали возраста материнства в начале 1990-х гг., и этот рост продолжается до сих пор. Подобную тенденцию для этих же поколений можно наблюдать и в некоторых других странах как с более высокой (США, Франция, Англия, Бельгия, Эстония), так и более низкой (Швейцария, Германия, Италия, Украина, Япония), чем в России, итоговой рождаемостью.

Повышение итоговой рождаемости реальных поколений было обусловлено в основном повышением вероятности рождения вторых и третьих детей. В первой половине 1980-х гг. вероятность следующего рождения повышалась для детей всех очередностей,

но затем движение пошло в противоположном направлении. Во второй половине 1980-х гг. откладывались (и, видимо, частично так и не реализовались) рождения не только вторых и последующих детей, но даже и первенцев, что и обусловило снижение итоговой рождаемости поколений, родившихся до начала 1970-х гг. (возможно, это связано с тем, что отложенные рождения пришлось на самый неподходящий период начала 1990-х). Но у поколений, родившихся в начале 1970-х гг., и последующих вероятность рождения вторых и третьих детей увеличивалась, и этот процесс продолжается.

В то же время настораживает снижение вероятности рождения первого ребенка, сужающее базу для дальнейшего роста числа вторых и последующих детей. Если эта тенденция сохранится, то ожидаемая доля окончательно бездетных женщин (не имевших ни одного живорождения к возрасту 50 лет) составит в среднем 16% (от 15 до 18%). При таком соотношении для достижения итоговой рождаемости, необходимой для простого замещения поколений (2,1 рождения на одну женщину), необходимо, чтобы на одну когда-либо рожавшую женщину приходилось в среднем 2,5 рождения, т.е. чтобы каждая вторая семья с детьми имела не менее троих детей. Учитывая сегодняшнее положение вещей, такую ситуацию представить себе трудно.

Мировой опыт не дает больших оснований для оптимизма. Высокая доля бездетных в современном мире — не редкость. Еще в 1970-х гг. уровень бездетности во многих странах существенно вырос, достигнув в Англии и США почти 20%, а затем в Западной Германии превысив этот уровень. Самая высокая бездетность помимо германоязычных стран прогнозируется в странах Восточной Азии. Имеющаяся статистика по Японии и Южной Корее позволяет предположить, что бездетными здесь могут остаться до 25–30% женщин. Бездетность растет и в странах Восточной Европы: такие страны, как Чехия и Польша, приближаются по этому показателю к уровням, больше характерным для Западной Европы (16–20%).

Ситуация с рождением вторых и последующих детей в развитых странах также разнообразна. Так, в англоязычных странах, а особенно США, а также в Скандинавии и во Франции, несмотря на относительно высокий уровень бездетности, велика доля вторых

и последующих детей, а рождение за всю жизнь только одного ребенка нехарактерно. В большинстве стран Восточной Европы доля вторых и особенно третьих и последующих детей намного ниже, она низка также в германоязычных европейских странах, в странах Южной Европы и Восточной Азии.

Россия была одной из первых крупных стран, в которых после Второй мировой войны рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений (в 1964 г.). Но положение быстро менялось, снижение рождаемости охватило все промышленно развитые страны, и в 1980-е гг. ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений. В 2011–2014 гг. не было ни одной развитой страны, в которой значение этого показателя находилось бы на уровне простого воспроизводства населения, и лишь некоторые страны более или менее близки к нему.

Если на протяжении двух-трех десятилетий наблюдаемые сегодня в России режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего на 17%. В таком стабильном (т.е. имеющем неизменный режим воспроизводства) населении ежегодный коэффициент естественного прироста будет отрицательным на уровне 6,4 на 1000 населения, и численность населения страны, закрытой для миграции, станет сокращаться ежегодно на 0,64%.

Существенное увеличение показателей рождаемости условного поколения в 2007–2014 гг. и суммарно за весь период с 1999 г. — после достижения ее исторического минимума — не могло не сказаться в положительную сторону на интегральных показателях режима воспроизводства населения, которые тоже относятся к условному поколению. В то же время путь, который должен быть пройден Россией, чтобы выйти из зоны суженного режима демографического воспроизводства, еще долог. Улучшить ситуацию с воспроизводством населения могут не только дальнейшее повышение рождаемости у ныне живущих поколений, возможность в чем вызывает сомнения, но и, как учит нас опыт зарубежных стран, иммиграция молодежи, если в среде мигрантов рождаемость будет выше, чем у проживающих сегодня на территории России. Впрочем, воздействие миграции на число рождений не ограничивается более высокой интенсивностью деторождения

в семьях мигрантов. Мигрируют в большинстве своем молодые люди, что благотворно сказывается на возрастной структуре населения, а это, в свою очередь, увеличивает число браков и рождений и соответственно тормозит переход к устойчивому отрицательному естественному приросту в развитых странах. Примеры демографической ситуации в крупных городских агломерациях в России — также тому подтверждение.

За последние два десятилетия Россия значительно продвинулась на пути перехода к цивилизованному и гуманному типу контроля рождаемости, при котором для регулирования числа детей и сроков их рождения пары используют не аборт, а методы контрацепции, позволяющие предотвратить нежелательную беременность. С конца 1980-х гг. официальная статистика фиксирует неуклонное снижение ежегодных чисел абортов в России. С 1988 (года, после которого началось устойчивое снижение) по 2014 г. абсолютное число прерванных беременностей и специальный коэффициент абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет уменьшились в 5 раз. Если в середине 1960-х гг. на одни роды приходилось около трех абортов, то сейчас родов вдвое больше, чем абортов. Снижение частоты абортов в постсоветский период затронуло все возрастные группы, при этом чем моложе женщины, тем быстрее снижались аборты. Молодые поколения ведут себя иначе, чем поколения их матерей.

Несмотря на очевидные успехи, Россия по уровню абортов по-прежнему опережает большинство европейских стран и стран — членов ОЭСР: российский коэффициент абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста выше швейцарского в 3,5 раза. Иными словами, несмотря на успехи в снижении числа абортов, эта задача не решена до конца. При этом взгляды на пути ее дальнейшего решения расходятся. Наряду со сторонниками проверенного опытом многих стран пути борьбы с абортами путем вытеснения их эффективными современными методами планирования семьи, есть и сторонники репрессивных методов, направленных на отказ от признания права женщины на аборт и ограничение доступности искусственного прерывания беременности. Последнее никогда в истории не приносило положительных результатов ни с точки зрения демографической динамики, ни с точки зрения здоровья женщин.

На протяжении последних 10–15 лет смертность в России во всех возрастах как у мужчин, так и у женщин снижается, и этот период эволюции смертности можно считать успешным. Однако он, в свою очередь, представляет собой лишь отрезок более долгого, полувекового периода, в целом крайне неблагоприятного. За 50 лет страна пережила три периода роста и три периода снижения смертности, причем в результате последнего снижения смертности ее уровень в большинстве пятилетних возрастных групп взрослого населения все еще выше уровня 1965 г.

Два последних подъема смертности, достигшие пиков в 1994 и 2003 гг., были особенно резкими. При этом снижение смертности после 1994 г., прерванное кризисом 1998 г., было коротким, но быстрым, тогда как снижение после пика 2003 г. более долгое и более медленное.

В последние 16 лет коэффициенты смертности в различных возрастах менялись в разных направлениях.

Вот уже несколько десятилетий продолжает снижаться младенческая смертность, хотя достигнутый уровень до сих пор остается почти в 4 раза выше, чем в странах с минимальными ее значениями. С 2012 г. Россия использует определения живо- и мертворождения, в основном соответствующие рекомендациям ВОЗ, что привело к некоторому росту коэффициента младенческой смертности и увеличило разрыв с развитыми странами. Но в 2013–2014 гг. младенческая смертность продолжила снижаться.

После некоторых колебаний в 1990-е гг. с начала 2000-х устойчиво и довольно быстро снижается смертность детей в возрасте от 1 до 5 лет и более плавно — в возрасте от 5 до 15 лет.

Новым явлением в российской смертности после 2002 г. стало существенное ее снижение в возрастах старше 60 лет.

Примерно с 2004–2005 гг. возобладали тенденции снижения и во всех возрастах взрослого населения. Однако в самые последние годы эта тенденция стала сходить на нет, снижение возрастных коэффициентов замедлилось, приостановилось, а в некоторых возрастных группах начался рост показателя. В 2014 г. в возрастах 35–44 года и у мужчин, и у женщин возрастные коэффициенты по сравнению с 2013 г. выросли на 1–4%, в возрастах 10–14 лет — на 3%, а у женщин в возрастах 15–19 лет — даже на 6%.

В соответствии со снижением возрастных коэффициентов смертности начиная с 2004 г. в России росла ожидаемая продолжительность жизни. Как отмечалось в предыдущих докладах, снижение смертности и рост продолжительности жизни в этот период носили в основном восстановительный характер. Лишь к началу второго десятилетия XXI в. удалось компенсировать потери продолжительности жизни, обусловленные тремя предыдущими подъемами смертности после 1964, 1987 и 1998 гг., и в конце концов даже несколько превзойти достигавшиеся ранее максимальные показатели: в 2009 г. был превышен прежний максимум для женщин, в 2012 г. — для обоих полов, в 2013 г. — для мужчин.

Более половины роста продолжительности жизни женщин после 2003 г. вызвано снижением смертности в возрастах старше 60 лет, у мужчин вклад этих возрастов составил более 26% общего роста. Опережающее снижение смертности пожилых — это характерная черта современного этапа эволюции смертности в развитых странах мира.

Более 38% роста продолжительности жизни мужчин в России в 2003—2013 гг. связано со снижением смертности от причин и состояний, связанных с чрезмерным потреблением алкоголя, у женщин эти причины определили 22% роста.

Темп роста продолжительности жизни в последние несколько лет замедлился и в 2014 г. почти сошел на нет.

Международные сравнения неизменно указывают на отставание России по продолжительности жизни от большинства развитых стран. Сравнение России со странами ОЭСР, в состав которых входят и такие страны, как Мексика и Чили, имеющие далеко не самую высокую продолжительность жизни, также оказывается невыгодным для России.

В начале 1970-х гг. продолжительность жизни в России была выше, чем в странах с максимальной в ОЭСР смертностью, потом, до 1994 г., близка к показателям этих стран, хотя и ниже них. Но затем даже аутсайдеры ОЭСР отрываются от России, и пока, несмотря на снижение смертности в России в последнее десятилетие, говорить о преодолении отставания от них не приходится. Несколько лучше положение с продолжительностью жизни женщин, у них наблюдается некоторое сближение с минимальными показа-

телями для ОЭСР, однако до средних уровней стран данной группы и им еще далеко.

Динамика смертности и продолжительности жизни в России и ее отставание от стран ОЭСР в решающей степени зависят от трех классов причин смерти — болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин. При этом новообразования стоят несколько особняком. Проблема смертности от онкологических заболеваний, безусловно, сохраняет свою остроту, но динамика смертности от них в России более спокойная, а сопоставление с другими странами не указывает на выпадение России из общего ряда стран, ведущих борьбу с этим смертельным недугом. Положение с болезнями системы кровообращения и внешними причинами иное. Снижение смертности от этих двух классов причин смерти внесло основной вклад (у мужчин — 77%, у женщин — 85%) в рост продолжительности жизни в 2003–2014 гг., однако достигнутых успехов явно недостаточно.

Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения снижается с середины 2000-х гг. Тем не менее значительное отставание даже от худших показателей стран ОЭСР все еще сохраняется. Текущая же динамика — не только позитивная. В 2014 г. во всех возрастах снижалась лишь смертность от ишемической болезни сердца, тогда как смертность в некоторых возрастах от цереброваскулярных болезней и в средних возрастах от остальных болезней системы кровообращения увеличивалась, тормозя рост продолжительности жизни.

Не лучше ситуация и со смертностью от внешних причин. В отличие от случая болезней системы кровообращения здесь компенсаторное снижение смертности почти вывело ее примерно на уровень предыдущего минимума 1987 г. у женщин, но у мужчин этот уровень не достигнут. Показатели же 2014 г. говорят о некотором ухудшении положения и у мужчин, и у женщин. Согласно официальной статистике это ухудшение произошло за счет роста смертности от несчастных случаев, куда входят случайные отравления алкоголем, которые в значительной мере и определили этот рост. Но 70% общего роста объясняется повышением смертности от «повреждений с неустановленными намерениями», т.е. от той категории внешних причин смерти, за которую никто не отвечает. Согласно детальному анализу российских данных к повреждениям

с неопределенными намерениями относят примерно 35–40% всех убийств, около 20% всех самоубийств и 15–20% нетранспортных несчастных случаев.

В целом в 2014 г. основной отрицательный вклад в изменение продолжительности жизни внесло повышение смертности от болезней органов пищеварения (–0,06 и –0,05 года у мужчин и женщин соответственно), инфекционных заболеваний (–0,02 года у женщин), некоторых не упомянутых выше групп болезней системы кровообращения в возрастах 20–59 лет (–0,012 и –0,004 года у мужчин и женщин соответственно), внешних причины, за исключением самоубийств и убийств (–0,062 и –0,021 года у мужчин и женщин соответственно), алкогольного психоза и алкоголизма (–0,04 и –0,02 года у мужчин и женщин соответственно), сахарного диабета (–0,01 и –0,06 года у мужчин и женщин соответственно) и неустановленных заболеваний (–0,05 и –0,11 года у мужчин и женщин соответственно).

О причинах замедления снижения смертности в самое последнее время судить пока рано. Они могут быть многообразными. Одно (хотя, видимо, не единственное) из возможных объяснений — рост смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя, на что косвенно указывает рост на 5,6% стандартизованного коэффициента смертности мужчин от случайных отравлений алкоголем. Этот показатель важен не сам по себе, а как индикатор потребления алкоголя в целом, независимый от статистики регистрируемых продаж алкогольных напитков, которая может не совпадать со статистикой их реального потребления.

Учитывая российские социально-экономические и политические реалии сегодняшнего дня, весьма проблематично надеяться на безусловное сохранение роста продолжительности жизни на ближайшие годы. Нельзя исключить возможность стабилизации или даже нежелательного реверсивного варианта в динамике смертности, что уже не раз бывало.

Для России характерны неравномерное, асимметричное размещение населения по территории страны и существенные региональные различия в динамике численности населения.

В азиатской части, занимающей $\frac{3}{4}$ территории страны, проживает лишь каждый пятый россиянин. Особенно слабо заселены районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности с суро-

выми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. По оценке на начало 2015 г. в них проживало 10 005 тыс. человек (в том числе 2391 тыс. на сухопутных территориях Арктической зоны России), или 6,8% (1,6% в Арктической зоне) от общей численности россиян при плотности населения менее 0,9 человека на 1 км².

Неравномерность размещения России по ее территории имеет и исторические, и природно-климатические объяснения, но механизм усиления или ослабления этой неравномерности тесно связан с направлениями внутрироссийских миграций.

На протяжении XX в. доминирующей тенденцией расселения был сдвиг населения на север и восток и, в меньшей степени, на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя и с существенным замедлением в 1960–1980-е гг. росла — от 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989-м. После переписи 1989 г. возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении, и установился западный дрейф миграционных потоков, который сохраняется до сих пор. В результате население азиатской части страны уменьшилось за период, прошедший между переписями 1989 и 2010 гг., на 3170 тыс. человек (на 10%), в то время как население европейской части, тоже убывавшее, уменьшилось на 995 тыс. человек (0,9%). После переписи 2010 г. население росло в обеих частях, но в европейской части быстрее, чем в азиатской, увеличившись за 2011–2014 гг. соответственно на 0,8% (без учета Крымского федерального округа) и на 0,6%. Текущие миграционные процессы никак не способствуют смягчению неравномерности расселения населения.

В самый последний период число фиксируемых российской статистикой внутристрановых миграционных перемещений росло начиная с 2011 г., когда были внесены серьезные изменения в процедуры статистического учета миграции. В 2013 г. число внутрироссийских мигрантов превысило 4 млн человек, но уже в 2014 г. рост почти прекратился, эффект изменения методики учета практически исчерпал себя. Формально миграционная активность в России вернулась на уровень конца 1980-х гг., это дает основания утверждать, что сокращение объемов переселений в 1990–2000-е гг. в немалой мере стало результатом трансформации системы учета

миграции, прежде всего замены системы прописки на регистрацию по месту жительства и пребывания.

Направления миграции в пределах России не претерпевают в последние годы серьезных изменений. Население продолжает стягиваться в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа, остальные округа испытывают его отток. Самые большие по масштабу потери несут Приволжский и Сибирский округа, а по интенсивности убыли лидируют Дальневосточный и Северо-Кавказский.

Среди регионов России наиболее интенсивный прирост населения за счет внутрироссийской миграции имели Московская, Ленинградская области и Санкт-Петербург. Самый интенсивный отток отмечен из Магаданской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Еврейской автономной области. В отличие от последнего десятилетия XX в. миграционное поле России стало менее напряженным на полюсе оттока: по сравнению с 1990-ми гг. интенсивность отъезда из отдельных северных и восточных регионов снизилась на порядок. В то же время нельзя не учитывать, что имеется существенный недоучет масштабов оттока населения на запад страны.

Крупнейшие центры притяжения населения сохраняют свои позиции. Так, в 2011–2014 гг. Москва и Московская область увеличили население за счет мигрантов из других регионов страны на 629 тыс. человек, Санкт-Петербург и Ленинградская область — на 242 тыс., Краснодарский край — на 145 тыс., но появляются и новые привлекающие мигрантов центры: Новосибирская, Тюменская, Свердловская и Воронежская области. В качестве полюса притяжения временных трудовых мигрантов выделяются Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область (согласно данным ОНПЗ).

Как и в предыдущие годы, для внутренних миграций в России актуальными остаются центростремительные тенденции. Данные о миграционном приросте за 2011–2014 гг. показывают, что почти вся нетто-миграция городского населения страны во внутренних миграциях аккумулируется в городах — региональных центрах (53,9%), еще почти 36% приходится всего на два города — Москву и Санкт-Петербург. Города размером меньше 100 тыс. человек, поселки городского типа и сельские населенные пункты

отдают свое население. Во внутрирегиональной миграции эффект центростремительности особенно силен: все миграционные потоки направляются в сторону региональных центров.

Миграционные потери сельской местности за 2011–2014 гг. составили более 900 тыс. человек. Как и в 1990-е гг., сельскому «опустыниванию» в некоторой степени противостоит международная миграция, которая примерно на 30% компенсировала неттоотток из сельской местности во внутренней миграции.

Результаты проведенного нами специального анализа показывают, что, несмотря на не вполне удовлетворительную сопоставимость стран (по площади территории, численности населения, по принципам и критериям административно-территориального деления), можно заключить, что внутренняя миграция в России не настолько низка, как долгое время было принято считать. Даже от лидеров по интенсивности миграции из числа стран ОЭСР Россия отличается примерно в 2 раза, а не на порядки. В то же время мы не можем судить о внутримunicipальной мобильности, например, в связи со сменой жилища, так как в России не ведется учет переселений в пределах городов.

На протяжении длительного времени миграционный прирост оказывал положительное воздействие на динамику численности населения России, в значительной мере компенсируя естественную убыль населения. В 2009–2012 гг. миграционный прирост превышал естественную убыль, благодаря чему население России росло, а с 2013 г., когда естественная убыль населения сменилась его небольшим естественным приростом, миграционный прирост обеспечивает рост населения России совместно с естественным приростом, причем роль миграционного прироста остается решающей.

Миграционный прирост в России на фоне европейских стран ОЭСР находится на среднем уровне, ряд стран с похожей демографической ситуацией существенно опережает Россию по этому показателю.

Несмотря на изменение правил учета мигрантов в 2011 г., что привело к одноразовому увеличению их числа, статистика фиксирует его последующее снижение, которое отмечалось и в 2014 г. В этом году миграционные процессы в России испытали сильное воздействие новых факторов, таких как события на Украине, международные санкции по отношению к России, и, наряду с этим,

продолжающееся ужесточение собственного миграционного законодательства и правоприменительной практики.

По данным Росстата, миграционные потоки в 2014 г. увеличивались в основном за счет роста числа выбывших — на 65,5%, тогда как число прибывших увеличилось всего на 20%. В результате такого рассогласования динамики потоков миграционный прирост сократился на 8,8%.

В 2014 г. едва ли не третью часть миграционного прироста России обеспечила Украина. Миграционный прирост в обмене с большинством других стран ближнего зарубежья сократился.

Возрастная структура миграционного потока в Россию указывает на то, что это преимущественно трудовой поток (доля трудоспособного населения среди обеспечивших миграционный прирост мигрантов — почти 75%). В учете ФМС России третья часть мигрантов назвала в качестве цели приезда в Россию «работу по найму» — это 3,8 млн человек, из которых 3,1 млн — мужчины. Приезжают на работу и многие из тех, кто относит свою цель приезда к «частным интересам» (42,9% прибывших).

Общее количество официально оформленных разрешительных документов на работу в 2014 г. достигло максимального уровня — 3,7 млн. Непрозрачность и коррумпированность процедуры получения квот для оформления разрешений на работу ожидаемо вызвали снижение их числа, которое в полной мере было компенсировано ростом числа патентов для работы у физических лиц (при этом патент использовался в качестве легализационного документа и работающими у юридических лиц, хотя это противоречило закону). В результате сумма поступившего налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа за патент в 2014 г. более чем удвоилась, составив 17,9 млрд руб., и стала рассматриваться как серьезный источник пополнения бюджета РФ.

Отраслевая структура занятости иностранных мигрантов в последние годы почти не меняется. На первом месте остается строительство (34%, как и в 2013 г.), на втором — сфера услуг (13%, в 2013 г. — 16%), на третьем — обрабатывающие производства (10%, как и в 2013 г.).

Иностранцы в 4,4 раза чаще работают в строительстве, чем россияне (34 против 8%) (и это еще без учета неофициальной занятости, большая доля которой приходится как раз на строитель-

ство). На официально занятых в строительной отрасли в России иностранцев приходится 6%, а с учетом нелегально работающих — от 10 до 15% работников.

С другой стороны, в торговле российские граждане, наоборот, работают в 2,6 раза чаще, чем иностранцы (18 против 7%). Это связано в первую очередь с сохраняющимися законодательными ограничениями на занятость иностранцев в этой сфере, на транспорте — в 3 раза чаще (9 против 3%).

Каждый пятый работник из стран СНГ занят неквалифицированным трудом. Вместе с тем доля занятых таким трудом хотя и медленно, но постепенно снижается: в 2012 г. — 31%, в 2013 — 26, в 2014 — 21%. Одновременно растет доля занятых в качестве специалистов среднего уровня квалификации в инженерной деятельности (в 2012 г. — 2%, в 2013 — 7, в 2014 — 10%). Однако анализ профессиональной структуры проводится Росстатом только для официально работающих по разрешениям на работу; суммирование с теми, кто работает неофициально, явно покажет большую занятость иностранных работников в неквалифицированном сегменте.

Например, согласно масштабному исследованию трудовой миграции из Таджикистана, проведенному Всемирным банком, почти 60% мигрантов из Таджикистана работают в России без какого-либо трудового договора, а доля неквалифицированного труда среди них составляет 40%.

Главными факторами, обусловившими снижение эффективности трудовой миграции в Россию с позиций посылающих стран, было падение рубля и удорожание жизни в России.

В 2014 г. в России вновь массово появились беженцы. Конфликт на Украине вызвал их огромную волну, по масштабу сравнимую с наплывом беженцев в Европу и волной русской репатриации после распада СССР. Число граждан Украины, главным образом беженцев из Донбасса, находящихся в России в марте 2015 г., по сравнению с мартом 2014 г. увеличилось на 1 млн человек.

В России для украинских беженцев был установлен льготный миграционный режим, включая трудовую деятельность, режим пребывания, ускоренное оформление миграционных статусов, расширение квот на временное проживание, ускоренное предоставление гражданства. Вместе с тем помощь беженцам проводилась

недостаточно оперативно. В результате Россия не сумела в полной мере использовать трудовой потенциал украинских беженцев, которые по образовательной и профессиональной подготовке, равно как и по культуре, не отличаются от россиян.

В 2000-е гг. у России сложился довольно интенсивный, постоянно расширяющийся миграционный обмен со странами ОЭСР. По данным ФМС России на конец 2014 г., 10% находящихся в России иностранцев (1189,9 тыс. человек) были выходцами из стран ОЭСР. Спустя год вследствие «войны санкций» их число сократилось до 750 тыс.

Отличительные особенности российской миграционной политики, создающие большие сложности для мигрантов, — ее неустойчивость, частая смена законодательства и правоприменительной практики в сторону ужесточения. В наибольшей мере это касается трудовой миграции.

В 2014 г. резко выросло количество мигрантов, подвергнутых наказанию: было депортировано 2546 человек против 1520 в 2013 г.; выдворено из страны — 136,5 тыс. (в 2013 г. — 80,9 тыс.); лишено права въезда в Россию на срок от 3 до 10 лет — 676 тыс. человек (в 2013 г. — 456,4 тыс.). Правовые ущемления больше всего касаются граждан Узбекистана и Таджикистана — главных доноров России. По-видимому, это также способствовало сокращению миграционного прироста.

Между тем, несмотря на экономический кризис, дефицит труда в России в последние годы рос. Так, в августе 2011 г. заявленная работодателями потребность в работниках составляла около 1,5 млн человек, в 2012 г. — 1,65 млн, в 2013 г. — 1,8 млн, в августе 2014 г. — 2,1 млн при низком уровне безработицы (5,5%). Рост неудовлетворенного спроса на рабочую силу в условиях большого объема иммиграции свидетельствует о том, что инструменты миграционной политики, адекватные сложившейся на рынке труда ситуации, все еще не найдены.

2014 г. характеризуется затуханием позитивных демографических тенденций, которыми были отмечены предшествующие годы. Об этом говорят и снижение темпов появившегося лишь недавно прироста населения, в частности, и из-за снижения миграционного прироста, и значительное замедление роста продолжительности жизни, и нарастающие неблагоприятные изменения

возрастного состава, которые затрудняют решение демографических задач и делают проблематичным сохранение даже того небольшого положительного естественного прироста населения, который отмечается с 2013 г. К тому же они предвещают и нежелательные экономические последствия, такие как сокращение численности населения в рабочих возрастах и быстрое увеличение числа пенсионеров. Все это происходит на фоне экономического кризиса, ограничивающего возможности эффективного воздействия на демографическую ситуацию мерами социально-демографической политики.

Тем не менее отказываться от проведения такой политики нельзя, потому что это может еще больше усугубить и без того непростые демографические проблемы России. Но необходимо уточнить стратегические направления и приоритеты социально-демографической и миграционной политики, проведя трезвый анализ как достижений, так и неудач последних 10–15 лет.